

Н.О. Харламова

КОНСТАНТИН И ЛИЦИНИЙ

Статья посвящена ключевому в истории европейской цивилизации моменту: уходящий языческий мир с ожесточенными арьергардными боями уступал место нарождающемуся христианству. Выдающаяся роль в этом процессе принадлежала императору Константину Великому. Кем был этот человек: расчетливым политиком, удачливым авантюристом или искренне уверовавшим язычником, поставившим Римское государство на службу христианству? Эти вопросы до сих пор вызывают споры и диаметрально противоположные точки зрения. В 2013 г. весь мир вспоминал 1700-летие подписания Миланского эдикта, положившего конец кровавым гонениям. Эта дата побуждает вновь и вновь вглядываться в ту далекую эпоху и заново осмыслять происходившие тогда процессы в нынешних непростых условиях, когда мир снова находится в состоянии скрытых и явных гонений на христианскую веру.

Ключевые слова: Константин Великий, Лициний, история раннего христианства, история Римской империи, гонения на христиан, Миланский эдикт.

В 2013 г. отмечался 1700-летний юбилей Миланского эдикта. Тема эта затрагивает такую актуальную сегодня проблему, как «Церковь и власть». В истории Церкви мы видим сменяющие друг друга периоды, когда Церковь была то гонима государством, то становилась официальной государственной религией и оказывалась под защитой государства. Деятельность Константина Великого отражает переломный момент перехода от беспощадных гонений к условиям максимального благоприятствования.

В истории человечества трудно найти другую такую личность, как Константин Великий, чье влияние на ход мировой истории было бы столь огромно, и чье имя было бы при этом так мало известно — в основном специалистам и верующим. Последние знают его как равноапостольного, который вместе со своей

Наталья Олеговна Харламова — преподаватель греческого и латинского языков в СПбПДА, член Союза писателей России, автор научных и научно-популярных статей, эссе, художественных переводов (n.kharlamova@list.ru).

В основу статьи положен доклад на Научно-богословской конференции «Россия, Византия, Запад: история культурно-церковных отношений в богословском контексте» (2 октября 2013 г., СПбПДА).

матерью св. Еленой нашел Животворящее древо Креста в Иерусалиме и воздвиг храм Гроба Господня.

В учебниках Константину уделяется обычно несколько строчек в параграфе, сообщающем о Миланском эдикте. Далее излагаются сугубо прагматического характера причины, по которым император взял под свое покровительство христианскую Церковь — она будто бы должна была служить укреплению внутренней структуры Римского государства и т.п. Константин представляется обычно человеком необузданного честолюбия, холодным, трезвым политиком, который сумел переиграть политических оппонентов, ловко использовав христианство для реализации своих честолюбивых амбиций (Гарнак¹, Буркхардт² и др.). Для исследователей, придерживающихся этой точки зрения, характерны такие тенденциозные высказывания: «Для гения, неустанно влекомого тщеславием и жадной власти, нельзя ставить вопрос о близости ему христианства или язычества... Планы захвата мира, грезы о власти уводят его все дальше от легкой дороги, через потоки крови гибнущих армий. <...> Но между тем все силы его, как духовные, так и физические, отданы одной-единственной цели — господству над миром»³. Влияние подобных суждений столь сильно, что даже историки Церкви порою склоняются к этому мнению. Робкие попытки оправдать императора Константина (Спасский⁴, Бриллиантов⁵ и др.) не изменили этой тенденции в исторической науке.

Еще с античных времен существует два взгляда на великого императора — восторженно экзальтированное преклонение (Евсевий Кесарийский) и вышеизложенная позиция, идущая от языческих историков — Зосимы и Аврелия Виктора. Не надо забывать, что Буркхардт в своих суждениях является прямым продолжателем Зосимы. Как и Ницше, он оплакивает гибель античной ци-

---

¹Harnack A. Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderte. Leipzig, 1902.

²Burckhardt J. Ch. Die Zeit Constantins des Großen. Leipzig, 1853. Перевод на русский язык: Буркхардт, Я. Век Константина Великого / пер. с нем. Л.Я. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2003.

³Буркхардт, Я. Век Константина Великого... С. 284.

⁴Спасский А.А. Обращение императора Константина Великого в христианство. Речь, произнесенная в день годовичного акта Московской Духовной академии 1 октября 1904. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007.

⁵Бриллиантов А.И. Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 г. Речь, прочитанная в торжественном заседании Императорской Петроградской Духовной академии 14 сентября 1913 г. по случаю 1600-летнего юбилея торжества христианства при Константине Великом. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006.

визации, причиной чему было распространение христианства, и прежде всего Константин Великий. Мы видим, что в оценке Константина — как в древности, так и в современную эпоху — сказывается отношение историка к христианству.

Сегодня наметилась тенденция более объективного взгляда на Константина. Она выражена в книгах Джорджа Бейкера⁶ и Аркадия Малера⁷. Джордж Бейкер написал сжатый и выразительный очерк в протестантском духе, но весьма объективный в подходе к личности императора и совершенно свободный от тенденциозных оценок. «Эпоха Константина, — пишет Бейкер, — в которой многие люди видели время политической деградации и наступления автократии, на самом деле породила те теории, которые лежат в основе английской, французской и американской конституций. Не Афины времен Перикла, а Рим эпохи Севера и Константина провозгласил, что все люди рождаются свободными и равными. Многие правовые доктрины, на которые опирается современное представление о свободе, были впервые сформулированы римскими законодателями этого периода. <...> Мы находим там, по крайней мере, в зародыше, едва ли не все политические идеи, развитые в Европе последующих веков»⁸. Книга Аркадия Малера — замечательное концептуальное изложение биографии великого императора, которое содержит много свежих, интересных идей и стремление к новому осмыслению эпохи Константина и его значения для грядущих поколений: «Основной исторический подвиг Константина, позволивший церкви не только канонизировать его, но и признать равноапостольным, заключается в невероятно масштабном распространении христианства, несравнимым ни с какими миссионерскими достижениями ни до, ни после него»⁹. Хотя книга А. Малера является популярным изданием, в нем отсутствует научный аппарат, она написана с привлечением разнообразных источников, а в концептуальном плане заслуживает занять достойное место в историографии и жизнеописании великого императора.

Объективно, войны, которые вел Константин, можно назвать религиозными, потому что следствием их стало не просто прекращение гонений и утверждение Церкви, — они подводят черту под античной языческой цивилизацией и начинают новую эпоху в истории человечества, христианскую эру.

---

⁶ Бейкер Дж. Константин Великий. Первый христианский император / пер. с англ. Л.А. Калашниковой. М.: Центрполиграф, 2004.

⁷ Малер А. Константин Великий. М.: Вече, 2011.

⁸ Бейкер Дж. Константин Великий... С. 323.

⁹ Малер А. Константин Великий... С. 335.

Кем же был этот человек, изменивший мир? Честолюбцем, использующим любые средства ради победы? Слепым орудием Провидения, через которое действует Божественная Сила, или искренне уверовавшим человеком, защитником христиан и Церкви?

Мы решили сравнить двух политиков, Константина и Лициния, которые были вначале союзниками, а затем стали непримиримыми противниками. 1700 лет назад оба эти императора поставили свои подписи под документом, который вошел в историю, как Миланский эдикт, и стал точкой отсчета новой эры в истории человечества — христианской цивилизации. Оба они были на момент подписания эдикта язычниками, но каждый из них проделал свой путь к Милану и свой путь после него. На их примере мы можем проследить два подхода политиков к проблеме Церкви и ее использования в личных политических целях.

В предшествующее Миланскому эдикту десятилетие мы видим шесть основных игроков на римской политической арене, не считая второстепенных, вроде Севера или узурпатора Александра в Африке. При всех различиях, разности темпераментов и способностей, пятерых из них объединяла ненависть к христианам. И только один, будучи язычником, сочувствовал гонимой Церкви. Начиная с 310 г. из игры (лучше сказать — из жизни) один за другим выходят Максимиан (310 г.), Галерий (311 г.), Максенций (312 г.), сразу после эдикта — Максимин (313 г.), так что в конце концов остается только двое — Константин и Лициний — подписавших эдикт. Суеверным людям того времени было о чем задуматься. Все гнавшие Церковь погибали, а ее защитникам неизменно сопутствовала удача.

Итак, к 313 г. положение дел в империи было таково, что вопрос об отношении к христианам вышел на первый план и стал основополагающим. Десять лет кровавых гонений привели не к искоренению христианства, как на то рассчитывали гонители, но к его усилению и к сочувствию Церкви со стороны язычников, которые тоже жаждали мира и прекращения жестоких преследований, лишивших империю внутренней целостности и стабильности.

Личность Константина для нас остается во многом загадочной. По видимому, он был скрытным человеком, и никто не мог определенно знать, что творится в его душе. В описаниях Евсевия, придворного историографа Константина, так много елеса, что восторженный историк скорее повредил предмету своего восхищения, чем прославил его, а главное, он не дал нам реалистичного портрета живого человека — современные историки подчас вообще не принимают Евсевия в расчет, как очень пристрастного писателя, что, конечно, тоже

неверно. Как ни странно, но живыми подробностями мы часто обязаны враждебным Константину историкам-язычникам (Зосиме, Аврелию Виктору).

По сохранившимся портретам и описаниям, император Константин был светловолосый, высок ростом, мощного телосложения атлета, с открытым лицом, прямым взглядом и правильными чертами лица, то есть имел весьма привлекательную, яркую внешность. Был милостивым, доверчивым и веселого нрава¹⁰. Современники-христиане превозносили Константина, как величайшего государя, а историки-язычники, испытывая к нему неприязнь, не могли не восхищаться его военным гением, поражаясь его необычайному везению.

Константин был невероятно успешным политиком. За что бы он ни брался, ему все удавалось. Его военные кампании поражают дерзновенностью и смелостью неординарных решений — свидетельство уникального стратегического таланта, волевого, решительного характера и редкого везения. Почти всегда он бьется с противником, превышающим его силы вдвое или втрое, что не мешает ему одерживать блистательные победы. По размаху и неординарности побед, по влиянию их на ход мировой истории Константин по праву занимает место в ряду таких гениев военного искусства, как Александр Македонский, Цезарь, Наполеон; более того, он должен был быть поставлен в этом ряду на первое место. Но, как это ни удивительно, его имя остается в тени.

Константин рос в среде веротерпимых людей. Отец его император Констанций Хлор отличался милосердием и нестяжательством, по-отечески заботясь о своих подданных. На сегодняшний день останется открытым вопрос о времени крещения св. Елены, матери Константина. Стала ли она христианкой еще в юности, или это случилось много позже, уже после Миланского эдикта — об этом можно только гадать. Наши источники ничего определенного не говорят. Христианкой была вторая жена Констанция — Феодора, также как и ее мать Евтропия, супруга императора Максимиана Геркулия. При дворе Констанция служило множество христиан, сам он никогда не участвовал в гонениях и не разделял взглядов своих соправителей по этому вопросу. Евсевий дает ясные указания на то, что он и сам был христианином¹¹.

Сам Константин отличался рассудительностью и мудростью, несмотря на довольно юный возраст — он был объявлен императором, когда ему было около тридцати лет. Он никогда не впадал в крайности в вопросах религиозной политики, проявляя осторожность и веротерпимость. В личном плане современни-

---

¹⁰ *Aurelius Victor. Epitome de caesaribus. XLI. 16.*

¹¹ *Eusebius Caesariensis. Vita Constantini. I. 27–30.*

ки представляют его как человека целомудренного, в отличие от его политических оппонентов. Самые враждебные Константину источники (Зосима, Аврелий Виктор, Филосторгий) не могли упрекнуть его в распущенности, которая была почти нормой для всех других правителей. В юности он был женат или сожительствовал с некой Минервиной, по-видимому, девушкой из простонародья, от которой имел сына Криспа. Второй брак он заключил по политическим мотивам, женившись на дочери Максимиана Геркулия Фавсте, и от нее имел трех сыновей и трех дочерей. Такова была личная жизнь Константина, о которой мы знаем очень мало.

Константин всегда глубоко и искренне любил и почитал своих родителей. Елену он объявил августой (в 323 г.), которая разделяла его труды в управлении империей, взяв на себя те обязанности, что не могла в силу своего характера нести Фавста. Константин до конца дней остался верен слову, данному отцу, когда тот на смертном одре поручил его заботам свою семью от второго брака: всех своих сводных братьев он привлек к участию в управлении империей, также как и их сыновей. Более того, он ставил своих племянников наравне со своими сыновьями: двоих из них он сделал цезарями. Сводных сестер он выдал замуж, одну за Лициния, другую за знатного римлянина Бассиана, сделав его при этом цезарем. В истории Рима, да и Византии, трудно назвать другого правителя, который бы настолько почитал своих родителей.

Один из языческих историков того времени, Аврелий Виктор, с трудом пытаясь противостоять обаянию личности Константина, говорит следующее: «Десять лет он был весьма представительным, двенадцать последующих — разбойником, а десять последних — мотыльком из-за своей чрезмерной расточительности»¹². Вместе с тем о Константине как правителе тот же Аврелий Виктор сообщает: «Однако он прекрасно выполнил ряд дел: строжайшими законами он пресек клеветничество, поддерживал свободные искусства, особенно занятия литературой, сам много читал, писал, размышлял, выслушивал послов, жалобы провинциалов»¹³. А вот что он пишет о кончине императора: «Римский народ очень тяжело перенес его смерть, так как считал, что его оружием, законами и милостивым правлением город Рим был как бы обновлен»¹⁴. В целом его мнение о Константине и его правлении было следующим: «А на моей памяти Константина, хотя он был украшен всякими добродетелями, общие молитвы

¹² *Aurelius Victor. Epitome...* XLI. 16.

¹³ *Ibid.* XLI. 14.

¹⁴ *Ibid.* XLI. 17.

всех возвышали до звезды. Конечно, если бы он поставил предел своей расточительности и честолюбию, этим качествам, при помощи которых в особенности сильные характеры, зайдя слишком далеко в своей погоне за славой, [обычно] впадают в противоположные крайности, ему было бы недалеко до бога»¹⁵.

Наиболее серьезным шагом в жизни Константина был поход против Рима, в котором обосновался узурпатор Максенций. Он рисковал тогда куда больше, чем Гай Цезарь, когда переходил Рубикон. В его распоряжении было, по максимальным подсчетам, 30 тысяч солдат, правда, хорошо обученных и преданных своему предводителю. Зосима сообщает о 80 тысячах, но эта цифра либо сильно преувеличена, либо в нее включены все силы Константина, включая гарнизоны и пограничные войска, которые необходимы были для защиты восточных границ Галлии от франков и других германцев. Максенций располагал силами, превосходящими почти вчетверо — около 180 тысяч, которые он легко мог увеличить. Мало того, совсем недавно два похода, предпринятых на Рим против Максенция, закончились тяжелым поражением. Один — под началом Севера, который, оставленный своими солдатами, вынужден был сдаться и затем был казнен. Другой поход предпринял Галерий — и принужден был спастись позорным бегством, рискуя разделить участь Севера. Даже ближайшие друзья и советники Константина не верили в успех затеянного похода. Конечно, если бы Константин был авантюристом, каких римская история знает немало, ничего удивительного в этом походе бы не было. Но Константин не был авантюристом. Он обладал политической мудростью, здравым смыслом, умением ждать и наносить удар в нужный момент. Что побудило его решиться на такой невероятно отчаянный шаг? Он мог бы, по примеру отца, безмятежно править в Галлии и Британии всю жизнь, наслаждаясь покоем и безопасностью, а в тот момент он рисковал потерять все. Источники указывают на еще одно немаловажное обстоятельство. Гаруспиции (гадания) перед затеянным походом были неблагоприятны. Сегодня трудно себе представить, до какой степени были суеверны люди того времени. Максимин, например, даже самого малого дела не предпринимал, не посоветавшись с колдунами и гадателями. Максенций посвящал все свое время, свободное от оргий и разврата, отвратительным магическим практикам. Поэтому нужно было иметь очень серьезную внутреннюю мотивацию, чтобы противостоять препятствию такого рода, ведь в то время Константин был еще язычником и не мог не разделять распространенных суеверий своих современников, тем более пускаясь в столь рискованное предприятие.

---

¹⁵Ibid. XL. 14–15.

Мы не знаем, в какой момент и как было ему видение креста на небе. Разные историки рисуют это событие по-разному. Одни говорят, что это было на закате в присутствии всего войска¹⁶, другие — ночью во сне, и дано было видеть ему одному¹⁷. Несомненно только одно: такое событие было, потому что мы видим в дальнейшем очевидные следствия его. В войске Константина появляются знамена (signum) с изображением креста, или хризмы, такое же изображение появляется на щитах. Сам Константин отходит от языческих суеверий и возносит пламенные молитвы христианскому Богу. Все эти события случились уже в походе, но надо думать, что еще в Арелате (Арле), когда он только планировал выступить, непостижимое и необъяснимое чувство убежденности в успехе сопутствовало ему. Все дальнейшие события иначе, как чудесным стечением обстоятельств, нельзя назвать. Поход был неожиданно быстрым, а победа легкой и блистательной. На современников эти события произвели сильное впечатление. Вот как писал язычник-панегирист того времени:

«Какой бог, какое столь покровительствующее тебе величество вдохнуло тебе такое мужество, что ты вопреки желаниям своей свиты и полководцев, не только роптавших втайне, но и открыто страшившихся, против совета людей, против предвещаний гаруспиций сам по себе решил, что настало время освободить город? Очевидно ты, Константин, имеешь, какое-то сокровенное общение с той божественной мыслью, которая предоставив заботы о нас низшим богам, признала достойным открыться тебе одному»¹⁸.

Также и боковая надпись на триумфальной арке в честь Константина в Риме гласила:

Imp. Caes. Fl. Constantino Maximo S.P.C.R. [senates populusque Romanus], quod instinctu divinitatis mentis magnitudine cum exercitu suo tam de tyranno quam de omni ejus factione uno tempore justis rem publicam ultus est armis arcum triumphis insignem dedicavit.

(«Императору Цезарю Флавию Константину Величайшему сенат и народ римский посвятил триумфальную арку в ознаменование того, что по божественному внушению величественным духом вместе со своим войском освободил государство одновременно как от (самого) тирана, так и от всех его сторонников».)

¹⁶Eusebius Caesariensis. Vita... I. 27–31.

¹⁷Lactantius Lucius Cicilius. De mortibus persecutorum. 44; Sozomen. Historia Ecclesiastica. I. 3.

¹⁸XII Panegyrici Latini. Incerti panegyricus Constantino Augusto dictus. IX // Panegyriques Latins. 3 vol. Texte etabli et trad. par. Ed. Galletier. P., 1949–1955.

Libertatori urbis, fundatori quietis — «Освободителю города, основателю спокойствия», — гласила внутренняя надпись на той же арке.

Оказавшись в Риме, Константин ведет себя против обыкновения милостиво. Римляне просят наказать друзей Максенция, которые вместе с ним творили беззакония, но Константин даровал всем милость и прощение. Аврелий Виктор отмечает его милостивое отношение к поверженному врагу: «Константин всем врагам своим оставлял почет и имущество и принимал их [в число друзей]; он был так благочестив, что первый отменил старинный род казни через распятие и перебивание голеней. Поэтому на него смотрели как на [нового] основателя [государства] и почти как на бога»¹⁹. Сенат постановил воздвигнуть в честь его победы триумфальную арку и статуи — такова была обычная практика того времени. Константин просит изобразить его вместе со своим спасительным знаменем — лабарумом²⁰, которому был обязан победой. Первым его делом в Риме было прекращение гонений, но он хочет придать эдикту особую значимость, желая, чтобы его подписали все императоры-соправители. Он предлагает им встретиться через три месяца в Медиолане и приглашает на встречу не только Лициния и Максимиана, яростного и непримиримого гонителя Церкви, но и Диоклетиана, открывшего преследования христиан²¹. Сохранились источники, говорящие, что Константин был весьма недоволен отказом Диоклетиана и написал ему гневное письмо.

Остановимся теперь более подробно на личности Лициния. Публий Галерий Валериан Лициниан Лициний был старше Константина: он родился около 263 г., то есть в 313 г. ему исполнилось пятьдесят. Это был человек вполне сформировавшийся, со своим мировоззрением. Он был ближайшим другом и советником Галерия, а это значит, вполне разделял взгляды своего патрона, принимал участие в жестоких гонениях, и, возможно, поощрял их. В последние годы Галерий настолько приблизил Лициния, что назначил его старшим августом в обход Константина и своего племянника Максимиана, а на смертном одре поручил ему заботу о своей семье — супруге Валерии, дочери Диоклетиана, и малолетнем сыне Кандиане. После смерти своего покровителя Лициний поделил наследие Галерия с Максимином, причем все азиатские земли вплоть до Босфора достались Максиминому, в то время как Лициний должен был довольствоваться Иллирией и Грецией — граница шла по Босфору. И хотя это тоже

---

¹⁹ *Aurelius Victor. Epitome...* XLI. 3, 4.

²⁰ Так называлось знамя Константина с монограммой Христа (хризмой).

²¹ Диоклетиан, после своего отречения жил как частое лицо в своем дворце в Сплите (Хорватия).

были немалые владения, включавшие в себя Грецию, Македонию, современные Венгрию, Болгарию, Румынию, Сербию, Хорватию, Черногорию, но, сравнивая их с владениями Максимиана и Константина, он мог считать себя обделенным. Лициний с радостью соглашается приехать на встречу в Милан. Эта поездка для него сопряжена с весьма лестными для его тщеславия условиями — эдикт должен быть скреплен его браком с порфирородной сестрой Константина, Констанцией. Это самая выгодная партия, которая только могла быть в то время. В отличие от Галерия, Максимиана и Максенция Лициний не был столь суеверен, по-видимому, он был рационалист. Он уже подписал один эдикт в пользу христиан по желанию Галерия²². Теперь, если того хочет его новый союзник, он готов вновь пойти на этот шаг. Итак, в Милан приезжает язычник, впитавший эллинский рационализм, готовый в угоду политической конъюнктуре, ради власти, на любые соглашения. Но сразу после подписания эдикта и бракосочетания его ждут ужасающие известия. Максимиан, воспользовавшись его отсутствием, стремительно переправился на европейский берег и осадил Византий. Силы их были явно неравны: армия Максимиана в два-три раза превышала войско Лициния, к тому же Максимиан имел преимущество, внезапность и стратегическую инициативу, в то время как Лициний был застигнут врасплох.

Лициний спешно из Медиолана через Альпы отправляется в свои владения, быстро приводит в боевую готовность свои легионы и идет навстречу неприятелю, обуреваемый самыми мрачными предчувствиями. Оказавшись в столь безнадежном положении, он вспоминает о чудесной победе Константина и со всем пылом, на который был способен его честолюбивый языческий дух, просит христианского Бога помочь ему. Дальнейшие события очень напоминают то, что случилось с Константином во время его похода на Рим. Лицинию во сне является ангел, который повелевает начертать знамение креста на щитах солдат и перед сражением читать молитву, которую он возвестил Лицинию. Проснувшись, Лициний записывает услышанную во сне молитву. Он очень точно исполняет предписанное — и добивается блестящей победы. Максимиан бежит, а вскоре и умирает от какой-то загадочной болезни. Лициний из бедного родственника становится властителем всех восточных провинций империи, плюс у него остаются прежние его владения — Балканы.

Как же повлияла эта внезапная и невероятная перемена судьбы на Лициния? Можно было бы ожидать, что он, подобно Константину, проявит милосердие и постарается отблагодарить даровавшего ему победу Бога, хотя бы так,

²²Пораженный ужасной болезнью, Галерий перед смертью издал эдикт, отменявший гонения.

как принято у язычников. Но нет, теперь Лициний не нуждается в божественной поддержке, он больше уповает на свой возросший политический вес и военную силу. Прежде всего он старается укрепить свою власть. Первым делом он казнит детей и жену Максимиана — шаг, не вызывавший осуждения современников. По законам того времени это была обычная практика — казнить все потомство мужского пола своего поверженного врага. Но обычно эта практика не распространялась на женщин. Лициний казнил не только сына, но и малолетнюю дочь и жену Максимиана. Этим он не ограничился. Он предает смерти малолетнего сына несчастного Севера, который был ему уж никак не опасен. Казалось, вершиной его злодейства станет казнь юного Кандидиана, сына его благодетеля и друга Галерия, которого тот, умирая, поручил его заботам. Но и на этом Лициний не останавливается. Он разыскивает по всей империи Приску, жену Диоклетиана, и Валерию, его дочь и жену Галерия. Обе были христианками. Пятнадцать месяцев бедные женщины вынужденно скрывались, скитаясь в одежде простолюдинок по дорогам империи, пока не были обнаружены ищейками Лициния и прилюдно казнены в Фессалониках. Какую угрозу представляли обе несчастные женщины для власти Лициния, неясно. Но и это не все. Далее он интригует против недавнего своего союзника и нового родственника Константина, затевая заговор против него. Подробности этого дела от нас сокрыты. Известно, что он склонил к предательству Бассиана, мужа Анастасии, другой сестры Константина, которого император удостоил не только родства, но и объявил цезарем, то есть сделал вторым после себя человеком в западной части империи. Все эти деяния обнаруживают в Лицинии человека необузданного честолюбия, беспощадного ко всем, кто может стоять у него на пути, способного на любое преступление и предательство.

Вначале Лициний старался исполнять взятые на себя в Милане обязательства. Гонения на христиан прекратились, верующие могли свободно молиться в храмах. Трудно сказать, были ли выплачены компенсации Церкви и частным лицам за причиненный ущерб. Источники об этом умалчивают. Но скорей всего, первое время Лициний все же соблюдал все пункты эдикта. Однако продолжалось это недолго. Лициний испытывал внутреннюю неприязнь и недоверие к христианам. В их Боге он видел прежде всего покровителя Константина и небезосновательно подозревал, что верующие в его владениях молятся не столько за него, сколько за его оппонента. Он считал, что не может рассчитывать на Бога Константина в предстоящем неизбежном конфликте. И перешел к открытым гонениям на Церковь. «После этого снова началось бегство благочестивых лю-

дей, и опять слуг Христовых приютили поля, и опять пустыни, леса и горы»²³. При Лицинии пострадали сорок Севастийских мучеников (320 г.), великомученик Феодор Стратилат (319 г.), Авив диакон (322 г.), принявший мученическую смерть в Эдессе, епископ Киринейский Феодот исповедник, подвергнутый страшным пыткам и истязаниям, освобожденный из уз Константином, епископ Неокесарийский Павел (ему выжгли на руках клейма и сослали на Евфрат; при Константине он был возвращен из ссылки и присутствовал на I Вселенском соборе) и многие другие. Язычник Аврелий Виктор, сравнивая Константина и Лициния, обращает внимание на то, что «у Лициния же не было предела пыткам и казням, по образцу рабских, даже для невинных и знаменитых философов»²⁴. На первый взгляд, эта перемена кажется невероятной. Человек, поставивший подпись под Миланским эдиктом, сам испытывавший в минуту крайней нужды божественную помощь, спустя несколько лет становится яростным ненавистником христиан и их гонителем. Но если пристально взглянуть в личность Лициния, мы увидим безумного честолюбца, которого ничего не интересовало, кроме власти. Ничего похожего на духовные искания, попытки разобраться в той вере, которую он на первых порах под влиянием Константина взял под свое покровительство. Современники не слишком его жаловали, Аврелий Виктор пишет: «Своей алчностью до денег он превзошел всех, не чуждался он и излишеств в властолюбии, был очень суров и раздражителен, враждебно относился к наукам, которые по своему безмерному невежеству называл ядом и чумой для общества, особенно ораторское искусство»²⁵.

Ради своих честолюбивых амбиций он с готовностью отказался от прежних воззрений, более того, прибег к помощи прежде гонимого им Бога, а утвердившись во власти, чувствуя себя в безопасности и на вершине могущества, проявил истинную свою суть. Поразительна последняя битва между Константином и Лицинием, которую можно было бы в полном смысле назвать «битвой богов». Верный своему Лабаруму, поддерживаемый благословением и молитвами епископов и всех христиан, Константин выступает против своего политического оппонента. Лициний ищет поддержку у старых языческих богов, он даже приказывает нести их изображения впереди строя, побуждая их самих биться за себя. Таким образом, вся битва имела ярко выраженную религиозную окраску. Евсевий замечает по этому поводу: «Потеряв здравый смысл, окончательно обезумев, он решил воевать с Самим Богом — не с Константином, которому

²³ *Eusebius Caesariensis. Historia...* 10. 8. 18.

²⁴ *Aurelius Victor. Epitome...* XLI. 4.

²⁵ *Aurelius Victor. Epitome...* XLI. 8.

Бог помогал, а с Самим Помощником Константина»²⁶. Сошлись не просто два политика, два соперника, борющихся за единоличную власть в империи, но два мировоззрения. Это была открытая битва защитника христиан и яростного язычника.

Мы предприняли это небольшое сопоставление как ответ тем исследователям, которые не верят в искренность симпатии Константина Великого христианской вере, которые ищут во всем политическую подоплеку. По существу, из Константина стараются сделать Лициния, использовавшего поддержку христиан как орудие своего возвышения, приписывая ему безмерные амбиции, ради которых хороши все методы. Весьма возможно, что первоначально так и было. Случилось так, что все враги Константина были гонителями Церкви, и он в силу этого оказался в лагере христиан. Но мы видим постепенную эволюцию взглядов великого императора. Объективно он послужил делу освобождения империи от правителей-гонителей, в чем нельзя не видеть действия Промысла, воли Божией. Но вопрос о его субъективном, то есть сознательном и вполне искреннем видении себя как освободителя остается не решенным. Если нельзя в полной мере это доказать, то еще меньше оснований находится, чтобы утверждать обратное. Исследователи Нового времени ищут в покровительстве Константина христианской Церкви конъюнктурные соображения. Мало кто из них верит в искренние духовные мотивы. Поэтому сопоставление с Лицинием так важно. На этом примере можно проследить, что происходит с человеком, с политиком, если он принимает христианство по политическим и иным конъюнктурным соображениям. Он не может долго устоять. Либо ты собираешь, либо расточаешь. Либо идешь дальше, либо возвращаешься вспять. Лициний был и остался язычником и гонителем. Константин стал святым и назван Церковью равноапостольным. Лициний тоже имел этот шанс стать новым Павлом, но его единственной подлинной страстью была власть. Меньше всего он думал о благе империи и ее подданных, как и все правители после Диоклетиана.

Христианская вера — не политическое течение или социальное движение, это, как мы верим и исповедуем, — вера истинная, которая дает возможность прямого общения человека с Богом Живым. На примере Лициния мы видим, что чисто внешнее признание христианского учения и покровительство ему или использование его даже если и дает на каком-то этапе преимущества и выгоды, но в конечном итоге ведет к краху. Если нет синергии, наступает богооставленность.

---

²⁶ *Eusebius Caesariensis. Historia...* 10. 8. 3.

Константин был человеком своего времени, он не был праведником, хотя отличался целомудрием и милосердием, он был расчетлив и порою жёсток как политик, но никогда не был мелочно мстителен и беспощаден к своим врагам. Но главное, раз избрав направление, он никогда с него не сворачивал. Сделав своим знаменем Крест, он сохранил верность ему до конца. Во многом он уподобился древним библейским патриархам. Подобно Аврааму, он вышел из безопасной страны и, повинувшись никому не ведомому внушению (*instinctu divinitatis*), отправился навстречу опасности. Подобно Давиду, он бился с врагом несравненно более сильным и победил. Подобно Соломону, дал мир империи и воздвиг храм в Иерусалиме.

Источники и литература

Источники

1. Documenta Catholica Omnia [Эл. ресурс]: [Евсевий Кесарийский] URL: http://www.documentacatholicaomnia.eu/20_30_0265-0339-_Eusebius_Caesariensis,_Sanctus.html (дата обращения: 24.04.2015); [Лактанций] URL: http://www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_0240-0320_Lactantius_De_Mortibus_Persecutorum_MLT.pdf.html (дата обращения: 24.04.2015); [Созомен] URL: [http://www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_/0350-0450_Hermias_Sozomenos_Ecclesiastica_Historia_\(MPG_0067_0843_/1724\)_GM_.pdf.html](http://www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_/0350-0450_Hermias_Sozomenos_Ecclesiastica_Historia_(MPG_0067_0843_/1724)_GM_.pdf.html) (дата обращения: 24.04.2015).
2. *Aurelius Victor*. Epitome de caesaribus / Ed. Franz Pichlmayr. Teubner, 1911.
3. *Eusebius Caesariensis*. Historia Ecclesiastica // Migne J.P. PG Vol. XIX–XXIV. Paris, 1857. Die Kirchengeschichte. Eusebius Werke 2. GCS 9. 3 vols / Ed. E. Schwartz. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1903, 1908, 1909.
4. *Eusebius Caesariensis*. Vita Constantini. Bibliotheca classicorum I. Oberhaid: Utopica, 2007.
5. *Lactantius Lucius Cicilius*. De mortibus persecutorum // Corpus Script. Eccl. Lat. XXVII. Vienna, 1890–1897.
6. *Sozomen*. Historia Ecclesiastica // Migne J.P. PG Vol. LXVII [ed. J. Bidez, rev. G.G. Hansen]. Berlin, 1995.

7. XII Panegyrici Latini. Incerti panegyricus Constantino Augusto dictus. IX // Panegyriques Latins. 3 vol. Texte etabli et trad. par. Ed. Galletier. P., 1949–1955.

Литература

1. *Burckhardt J. Ch.* Die Zeit Constantins des Großen. Leipzig, 1853. Перевод на русский язык: Буркхардт Я. Век Константина Великого / пер. с нем. Л.Я. Игоревского. М., «Центрополиграф», 2003.
2. *Harnack A.* Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderte. Leipzig, 1902.
3. *Бейкер Дж.* Константин Великий. Первый христианский император / пер. с англ.: Л.А. Калашниковой. М.: Центрполиграф, 2004.
4. *Бриллиантов А.И.* Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 г. Речь, прочитанная в торжественном заседании Императорской Петроградской Духовной академии 14 сентября 1913 г. по случаю 1600-летнего юбилея торжества христианства при Константине Великом. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006.
5. *Малер А.* Константин Великий. М.: Вече, 2011.
6. *Спасский А.А.* Обращение императора Константина Великого в христианство. Речь, произнесенная в день годовичного акта Московской духовной академии 1 октября 1904. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007.